

ЛЮБОВЬ ВНЕЗЕМНАЯ

АЛЕНА МЕДВЕДЕВА
ЭЛЬ БЛАНК

ЕГО ДОБЫЧА

Любовь внеземная (АСТ)

Алёна Медведева

Его добыча

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Медведева А. В.

Его добыча / А. В. Медведева — «Издательство АСТ»,
2020 — (Любовь внеземная (АСТ))

ISBN 978-5-17-149791-0

Офицер Троя Флэш совсем недавно была той, кто Его охранял, теперь она всего лишь Его добыча... Правила изменились: безумный эксперимент, и жуткие существа, для которых люди не больше, чем еда, вырвались на свободу. Теперь миру, каким мы его знали, конец? Или долгая совместная дорога к звездам все расставит по своим местам? Кто кого? Бывший узник так просто не уступит позиций. Но и Троя не привыкла отступать перед трудностями. Вот и сейчас она до последнего старается выжить. Просто выжить, невзирая на странности поступков своего противника. Кто она для него? Трофей? Десерт? Игрушка? Кто для неё он? Монстр, что заслуживает лишь смерти? Так что победит? Долг? Инстинкт? Или любовь?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-149791-0

© Медведева А. В., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава первая	12
Глава вторая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Алена Медведева, Эль Бланк

Его добыча

© А. Медведева, Э. Бланк, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Иллюстрация на обложке – Ирина Круглова

* * *

Пролог

– Да что б его...

Профессор, следящий за изображением на голографическом экране, где источающая синее сияние клетка с яростной неукротимостью набрасывалась на куда более спокойные розовые, с раздражением оттолкнул сунувшегося было к нему помощника. Отскочил тот вовремя, лишь по счастливой случайности не ступив в смрадную лужу отвратительного мутно-зеленого цвета.

В обычно белоснежной лаборатории, стерильной, как операционная, сегодня было... грязно. Ошметки темных волос, сгустки крови, рвота, даже куски серой кожи и несколько зубов подметил цепкий, быстрый взгляд Трои, по долгу службы отслеживающей все, что здесь происходило.

Привычная к самым жестоким проявлениям человеческой природы, сейчас она до последнего оттягивала момент, когда глазами неизбежно встретится с пленником. Подопытной крысой, как называли его ученые.

Обычно в обязанности Трои входило лишь сопровождать до непроницаемых дверей исследовательского блока конвоиров, ответственных за транспортировку подопытных. Сегодня она попала в число «счастливчиков», допущенных в святая святых, и потому оказалась в лаборатории. Да, стояла Троя не в зоне проведения эксперимента, а в зоне контроля, которые были разграничены прозрачным силовым экраном. Но впервые – внутри. Впервые она видела *его*. Кажется, ученые прозвали это существо... дьяволом?

Мощный, намертво принайтованный к наклонной поверхности прозрачного бокса силовыми фиксаторами. Пытающийся их вырвать, и потому со вздувшимися от напряжения буграми мышц. С лицом, искаженным гримасой, наполовину закрытым спутанными темными волосами, слипшимися от пота. Серо-синюшный – то ли от синяков, то ли это нормальная его окраска кожи... Страшный. Жуткий в своей первозданной мощи. Похожий на человека, но ровно настолько, чтобы не спутать его ни с кем иным. А ведь по своей сути он таковым не является...

Троя в столовой частенько слышала, как исследователи перебрасывались шутками, обсуждая своих подопытных, у которых не было даже имен, им давали прозвища или просто называли по номерам. То ли в последовательности участия в опытах, то ли в соответствии с номерами камер, точно Троя не знала. Лишь однажды видела такие клетки, без физических стен и дверей, ограниченные смертоносным силовым полем, где содержат этих существ. Амиотов. Жуткую, не знающую жалости расу, которая устроила настоящую бойню в Галактике. От них убегали, прятались, защищались, на них нападали, долгие десятилетия искали возможность уничтожить. В итоге все же победили. Одолели? Да. Сломили? Нет. И доказательством тому были пленные амиоты, которых держали где-то в глубоком космосе на базе с засекреченными координатами. Их... изучали. Так это называли между собой ученые, которые сейчас были заняты очередным экспериментом.

– Полное неприятие. Увеличиваем дозу гормона, – решил профессор, скрипнув зубами от злости, когда последняя розовая клетка бесследно исчезла, поглощенная синим монстром.

Вытащив из-под увеличителя микроскопа микропрепарат, ученый отправил его в утилизатор и бросил требовательный взгляд на лаборантов, облаченных в защитные костюмы. Впрочем, они и без его понуканий уже выполняли свою работу.

Шприц. Розовый опалесцирующий раствор. Покрытая синяками серокожая рука, по венам которой он потек, смешиваясь с кровью...

– Пульс и давление в норме, – спустя несколько секунд сообщил помощник, не отрывавший взгляда от монитора с физиологическими показателями. – Энергопотенциал растет. Десять процентов... Пятнадцать... Мозговая активность усиливается. Внимание!..

Договорить он не успел. По лаборатории разнесся дикий рев. Леденящий душу, страшный и при этом триумфальный, он парализовал ученых, заставив, холодея от ужаса, ждать, что за этим последует.

Тело подопытного, несколько минут назад напряженное и яростно быющее в своих око-вах, неожиданно замерло и упало обратно на поверхность бокса. Налитые кровью глаза остек-ленели, рвущийся из раскрытого рта рев смолк на полувыдохе. А пространство за экраниру-ющим полем, отделяющим экспериментальную зону от вспомогательных помещений, начало медленно заполняться призрачной сине-фиолетовой дымкой.

– Дьявол! Опять вырвался! – завизжал профессор. – Кирк! Стабилизатор на полную! Гони его обратно!

Наверняка помощник это и попытался сделать. Именно попытался, потому что спустя мгновение раздался уже его вопль и еще один нервный вскрик, на этот раз женский.

Отыскивать взглядом пострадавшего Троя не стала, опасаясь пропустить новую угрозу. Она сосредоточенно всматривалась в подопытного, и, несмотря на то что пленный не пода-вал признаков жизни, сильнее сжала рукоятку оружия. Была готова атаковать и одновременно выжидала. Знала, ее задача – контроль. Вмешательство – только когда на то будет соответству-ющий приказ.

Приказ... Его все не было. Дымка за силовым экраном сгущалась, в ней суматошно мета-лись тени – горе-экспериментаторы.

– Уровень максимальный!

– Резервную включай...

– Кирк!.. Где Кирк? Стинс, давай ты!

– Я не вижу выключателя!

– Слева!

Хоть и готовая к неожиданностям, Троя невольно вздрогнула, когда вместо стандартного кода вызова заверещала пожарная сирена. Видимо, кто-то в смятении ударил кулаком по бли-жайшему пульту, до которого дотянулся.

– Это же не нам? – растерялась Троя, бросив короткий взгляд в сторону.

Лишь на миг, но этого было достаточно, чтобы глаза выхватили стоящую рядом корена-стую фигуру в черной броневой экипировке.

– Не нам. Не вмешиваемся, – подтвердил напарник.

Доран. Его профессиональный опыт не сводился к контролю систем безопасности внеш-них границ станции. Это землянка сделала карьеру, проводя время за мониторами, а парк участвовал в настоящих боевых операциях. И прекрасно знал, чем грозит вмешательство, если на него нет соответствующего разрешения. Инструкция в этом смысле была более чем ясной.

Он оказался прав. Истошно голосащий сигнал тревоги смолк, и в звенящей тишине раз-далось радостное:

– Готово!

Словно сорванная порывом ветра, дымка исчезла. Пространство части лаборатории, отделенной невидимой стеной, приобрело присущую ему прозрачность, проясняя картину для напрягшейся охраны. Пленник ожил, выгибаясь, из его горла вырвался страшный хрип.

– Сильный... Тварь... – задыхаясь и вытирая вспотевший лоб, пожаловался профессор. В голосе немолодого уже мужчины, сверкнувшего лысым черепом, когда он стянул с головы капюшон защитного комбинезона, звучала если не паника, то отчаяние точно. – Никто больше так не сопротивляется! Что ж с этим не то?!

– Вы, профессор Вирхэ, выбрали не тот объект, – категорично заявила ассистентка, повторяя его движение. – Он опаснее остальных, нам его не удержать. На его счету третий прорыв оболочки. И вторая жертва! – Ее рука указала на лежащего без сознания Кирка. – Я настаиваю на уничтожении этого экземпляра.

Женщина резко обернулась к Трое и ее напарнику, однако продолжить ей не дали.

– Что ты такое говоришь, Анти?! Ты же ученый! Где твой профессионализм? Где самоотверженность? – искренне возмущился ее коллега-итранец. Тощий, как палка, он прижимал к себе и баюкал окровавленную руку, но, несмотря на увечье, настрой его был совершенно иным. – Между прочим, я, пострадавший, в отличие от тебя не требую его убить! А знаешь почему? Да потому, что живучесть этих тварей должна пойти на пользу Конфедерации и Содружеству! Дать новый толчок к развитию технологий и покорению новых миров. А ты хочешь истребить самое ценное, что у нас есть! Провалить важный опыт!

– С другим подопытным нам придется начинать с нуля, – подтвердил Вирхэ, просматривая записи на мониторе. – Нужно время, чтобы поднять концентрацию гормонов до тех доз, которые мы вводим ему сейчас. Если этот экземпляр уничтожить, потеряем полгода работы.

– Зато останемся живыми! Он не просто намного сильнее других. Он неконтролируем! Как же вы этого не понимаете? Я требую его убить! Вызывайте группу зачистки! – Последнее она рявкнула уже Трое с напарником.

– Отставить! – не менее громко приказал профессор. – Стинс, ты забыл, где у нас лечебный гель? Обработай уже рану! А ты, Анти, не забывайся. Пока главный здесь я! И я не позволю пустить под откос все, что мы уже сделали! Нам нужен его биологический материал! Эксперимент с зачатием крайне важен именно сейчас, мы не имеем права его прекращать. Мы уже совершили невероятное – смогли сделать амиотов материальными. Больше того, разнополами! Но все это бессмысленно, если у них не проявится способность к размножению. К тому же самка уже в состоянии пробуждения в соседнем блоке лаборатории. Все готово для операции. Нам нельзя прерывать опыт!

– Болтун, – сердито пробормотала женщина, бросив косой взгляд на Троя и Дорана. – Им-то к чему об этом знать?

Услышал ли ее профессор? Вряд ли – пленник продолжал рычать и биться в оковах. Бокс ходил ходуном, грозя вылететь из опор и опрокинуться на пол. Монстр рвался на свободу.

– Хотя бы дополнительную охрану позовите, – громче потребовала Анти, склоняясь над бессознательным телом помощника и проверяя пульс. Окончательно убедившись, что Кирк мертв, скривилась, покачала головой и добавила: – Двух вояк будет недостаточно, если что-то пойдет не по *вашему* плану.

Последние слова прозвучали с отчетливым скепсисом, и Вирхэ решил хоть в этом ей уступить. Махнул рукой Дорану: мол, давай действуй.

– Первый пост! Запрос. Нужен резервный отряд в седьмую лабораторию, – деловито пробубнил безопасник в пуговичку-связник на воротнике. – Срочно!

– Продолжаем, продолжаем! – Профессор вернул себе былую активность, вновь усаживаясь за лабораторный стол и пробегая пальцами по виртуальной клавиатуре. – Стинс, займи место Кирка, все равно ты сейчас не способен ни на что другое. Анти, хватит уже скорбеть. Он тебе не сын и не муж. Закончим опыт – похороним со всеми почестями... Доводим дозу гормонов до максимума.

Натужно выдохнув, женщина натянула на голову защитный капюшон и вернулась к своим инструментам. Итранец, процокав по полу длинными, похожими на костыли ногами, забрался в сплетения панелей и проводов, идущих от датчиков.

Пленник неожиданно замер, его тело застыло, выгнувшись дугой, очевидно, испытывая колоссальное напряжение, как если бы он силился одним рывком сорвать оковы. Сквозь гриву засаленных, сваливавшихся колтунами, невнятного темного цвета волос, а может быть, шерсти,

мелькнул острый взгляд. Троя ощутила его почти физически – как стремительное, горячее прикосновение. И испугалась! Буквально задохнулась от ужаса –хватило одного пристального взгляда этого опасного существа, чтобы ее проняло холодной испариной.

– Где подмога? – невольно сорвалось с губ девушки.

– Не знаю, – тряхнул головой Доран, – не отвечают. Видимо, у меня проблемы со связью. Попробуй ты.

– Первый пост! Первый пост! Требуется помощь в седьмой лабораторный блок, – послушно, старательно контролируя себя и скрывая страх, повторила Троя призыв. Так ее голос звучал тише обычного, но хотя бы не дрожал.

– Это бессмысленно! – воскликнула Анти, отскакивая от пленника, который в очередной раз вздыбился, стремясь вырваться на свободу. – Я в вену не могу попасть! Стинс! Что у него с возбудимостью?

– На пике, – простонал итранец, изучая жизненные показатели подопытного. – Успокоить можно, только разрушив внутреннюю энергетическую структуру. На восстановление ему потребуется время. Мы как раз успеем завершить подготовку к опыту. Правда, я не дам гарантий, что после этого он будет совместим со своей физической оболочкой и не сдохнет... простите, не развоплотится.

Услышали его не только коллеги и конвоиры. Амиот зарычал. Грозно и одновременно отчаянно. Ладони Трои, сжимавшие рукоять энергетического кинжала, повлажнели.

Разрушать структуру амиотов могут только кинжальные лучи. А ими владеют исключительно военные. Значит, действовать будет либо она, либо Доран. Неужели ей предстоит атаковать амиота?

Причина волнения была не в страхе. Все в душе землянки протестовало против необходимости причинять еще большую боль и без того измученному пленнику. Да, овеванный шепотками и пересудами среди персонала станции монстр действительно выглядел ужасающе, но Трое он сейчас казался жалким. Истерзанным, даже ничтожным. Практически сломленным.

Происходящее виделось Трое до ужаса неправильным и несправедливым. Допустимо ли такое обращение с разумным существом? Или она сострадает ему лишь потому, что землян не так ощутимо затронуло противостояние с амиотами, как другие цивилизации, в чем на днях упрекнул ее Доран. Они сопровождали каталку с очередным подопытным объектом к дверям лаборатории, а возвращаясь, разговорились о прошедшей войне. Рарки стали ее непосредственными участниками, мало того – пострадавшими. Наверняка в этом и кроется жесткое, даже жестокое отношение напарника к амиотам.

– Что решаете, профессор? – позвала Анти, держа шприц наготове, но не имея возможности использовать его по назначению.

– Хорошо, – судя по тону, решение далось Вирхэ непросто, – разрушаем и вводим препарат. Надеюсь, он и это выдержит.

На сердце Трои стало тяжело. Даже если пленник был отъявленным злодеем, он заслужил смерть, но не муки.

Словно осознав, что миг поражения неизбежен, амиот принялся раскачивать свой бокс, стремясь оборвать таким способом ведущие к нему провода.

– Приструните его! – рывкнула Анти.

– Доран, работайте, – подтвердил профессор, и в тот же миг исчез экран, отделяющий смотровую зону, где находились конвоиры.

А это уже приказ, выполнить который – прямая обязанность службы безопасности. Следуя за напарником, Троя приблизилась к подопытному, крепко сжимая рукоятку энергетического кинжала. Особенное оружие, созданное с расчетом на возможности амиотов. Прежде пользоваться таким ей доводилось только на учебных тренировках. Сможет ли она пронзить

кинжальным лучом живое существо? Разумное существо! И где, в конце концов, резервная группа? Эти мысли терзали девушку, пока она напряженно следила за действиями Дорана.

Он наверняка поступит просто – вырубит пленника коротким жестким ударом в голову. В точку между глаз. Такое ранение, как их учили на занятиях, срывает быстро и эффективно, но оно... не безболезненно.

И снова жалость и сострадание оказались сильнее. Недопустимые для воина, да. Но искусанные губы пленника, синяки на теле, мука, сквозившая в каждой черточке лица...

– Доран, погоди. – Троя не выдержала и неожиданно даже для самой себя остановила напарника, уже занесшего руку для удара. – Давай я?

– Справишься? – Рарк бросил на нее быстрый, полный сомнений взгляд.

– Да, – лаконичный ответ.

Выверенное медленное погружение луча... Оно, по крайней мере, будет для амиота безболезненным. Достаточно уже страданий этому несчастному.

– Хочешь попрактиковаться? Ну давай. Я подстрахую, – по-своему понял ее инициативу напарник.

Отступил, позволив Трое приблизиться к быющему словно в агонии узнику.

Уверенно преодолев последний шаг до бокса, девушка решительно сдвинула предохранитель на рукояти клинка. Она делала подобное на симуляторе не раз и не два – этот навык давно стал автоматическим. Теперь отработается и сам удар. Нужно лишь решиться. Профессоры не знают сомнений, часто твердили коллеги.

Сжав полоску-активатор, Троя провела в воздухе клинком, проверяя. Желтый луч послушно распорол пространство. Порядок.

Прицелилась, отключив эмоции и стараясь забыть о полном ярости взгляде амиота, о жутком хрипе, рвущемся из его груди... Медленное погружение. В область сердца, не в голову. И все будет кончено.

Что произошло дальше, она поняла не сразу. Сжавшаяся в кулак рука пленника со вздувшимися под кожей венами неожиданно словно раздвоилась. И та, вторая, фантомная, размытой фиолетовой тенью взметнулась вверх и перехватила запястье девушки.

Доран кинулся к Трое. Ученые синхронно вскрикнули. Кисть, зажата в тиски призрачных пальцев, онемела. Все произошло одновременно, в краткую долю секунды, но для Трои время затормозилось, растянувшись как в замедленной съемке.

Неестественно долго приближающееся лицо напарника, видимое боковым зрением... Гулкие, деформированные голоса ученых на фоне дребезжащего звука... Это сирена орет в ее голове? Или бешено застучавшее сердце, получившее порцию адреналина?

Время остановилось. Но самое невероятное – не двигался и амиот. Его глаза, проглядывающие сквозь гриву волос, наполнились фиолетовым сиянием. Он в упор смотрел на девушку, прекратив сопротивление. Просто замер, перестав даже дышать...

– Троя!

Сильный рывок Дорана, и необъяснимый ступор исчез. Вновь нахлынул поток реальных ощущений: визг Анти, ругань профессора и неожиданный холод на запястье – оттолкнув напарницу, рарк вместе с ней оторвал и призрачную руку, через мгновение превратившуюся в медленно растаявший туман.

Доран на этом не остановился. Троя успела лишь ахнуть, когда слепящий световой поток вонзился в лоб пленника.

– Все, – отчитался безопасник, пряча оружие в ножны, пристегнутые на бедре. – Чтоб его... Одни проблемы с этой тварью! – Выругался и развернулся к напарнице, медленно осевшей на пол. – Ты как? Держишься?

– Порядок, – привычно ответила девушка, хотя мир перед ее глазами кружился, сливаясь в белый вихрь.

Лишь два ярких пятна просвечивали сквозь него: темно-сиреневые глаза амиота. Ладонь жгло, Троя и сейчас ощущала прикосновение фантомной руки дьявола.

И все же годы службы даром не прошли: для военнослужащего показать свою слабость – значит расписаться в некомпетентности. А за такое не только в должности понизят, могут вообще комиссовать на гражданку.

Доран наверняка это понял, потому и руку протянул, чтобы помочь встать.

– Не трогайте ее! – остановил его визг Анти. – Это, мать вашу, прямой контакт.

Ее голос прорвался к сознанию Трои словно сквозь вату. Как и негодующий мужской... Это Вирхэ орет?

– В карантин девчонку! Как вы это допустили?! – Гневный окрик в сторону Дорана: – Что за непрофессионализм! Думаете, вас просто так держат вне лабораторной зоны? А мы в защитные костюмы ради шутки разделись? На что способен вернувший себе исходный облик амиот, никто толком не знает, и что от него можно подцепить – тоже!

Прелестно... Медленно проваливаясь в необъяснимый полутранс вопреки всем стараниям не отключаться, Троя больше всего боялась, что догадки профессора станут реальностью. Громадным усилием балансируя на грани потери сознания, продолжала разумом цепляться за происходящее.

– Что происходит? Отчитайтесь! Связь отсутствовала, входные двери в седьмой лабораторный сектор заблокировались. Чтобы попасть внутрь, нам пришлось едва ли не выжигать их. – Командный тон и громкий четкий голос.

Группа зачистки наконец прибыла.

Троя с облегчением закрыла глаза, ощущая себя совершенно обессиленной. Ее напарник не останется один на один с монстром. Ведь эксперимент... Они его продолжат...

Сомнений в этом у девушки не было, как не было их и у затеявших все это. А потому, дождавшись, когда военные закончат эвакуацию пострадавшей, а заодно заберут тело погибшего лаборанта и покинут зону проведения исследований, ученые вновь опустили силовой экран.

Но Троя этого уже не видела.

Глава первая

Троя

– Я ж тебе говорю, фиаско полное у них. Два часа ждали, пока тварь в себя придет – видите ли, в бессознательном состоянии не тот эффект. А в итоге ни фига не срослось. Так ни с чем и остались.

Бесцеремонно развалившись на кушетке напротив, Доран в лицах показывал это самое «ни фига». Выходило забавно.

– А что делали-то? – Я улыбнулась его горячности и попыткам меня развлечь.

Лежать в лазарете та еще скука смертная. И даже сканирующие системы, изучившие мое тело вдоль и поперек, – развлечение спорное. Во время осмотра меня не покидала мысль: амиот ощущает себя таким же бессильным и безвольным? На мне хотя бы опыты не ставят, не пытаются перевоплотить в нечто незнакомое и чуждое... Брр...

– Так это... – Напарник прошелся пальцами по ершику каштановых волос, погладив заодно остренькие кончики ушей – единственную из приметных черт его расы, и, чуть понизив голос, фыркнул: – Секс они там имитировали, извращуги. На клетках тренировались. Видела синие сгустки на мониторе у профессора? Они от того самого подопытного амиота взяты. А розовые – от самки-амиотки, про которую Вирхэ проговорился. Так вот, клетки его, вместо того чтобы по-мужски так сработать... то есть оплодотворить... тупо женские жрали. И никакие гормоны не помогли, даже в сверхдозах. Зря только суету развели, еще и тебе перепало. – Рарк красноречиво развел руками. – В общем, не полюбили они друг друга. И дите не сделали.

Зная Дорана давно, за этой нарочитой легкостью заподозрила попытку банально смягчить для меня последствия столкновения с подопытным.

– Получается, если бы амиота к самке допустили, он бы ее тоже сожрал? – изумилась, скрывая вспышку страха.

– Наверняка, – со знанием дела серьезно подтвердил рарк. – И энергию бы выпил, и оболочку по миру пустил... Щ-щ-щедар! – выругался, сжав кулаки. – Я думал, они только в своей энергетической форме это делать умеют. А в реальности, оказывается, ситуация еще хуже. Вот к чему все это затеяно? – последняя фраза больше походила на мысли вслух. – Ученые!.. От большого ума бед натворят, помни мое слово. Эти твари и так жуть жутчайшая... а теперь... Эх... – Рарк в сердцах рубанул рукой, а мне тут же припомнилось, что в прошедшей войне его соплеменникам пришлось трудно.

– Они серьезно такие кошмарные? – Спихватилась, что напарник подумает, что я про ученых спрашиваю, и торопливо уточнила: – Амиоты.

Доран поднял на меня взгляд, впервые с момента сегодняшней встречи не таясь. В его глазах плескалась ненависть.

– Одно тебе скажу: землянам повезло, что твари до вас не добрались. Очень повезло! Как они всех в Галактике крушили! Планеты подчистую уничтожали, до пустого космического пространства, представляешь? Чуждый разум, никакого сочувствия, ничего человеческого. Безжалостные монстры, пожиратели... Ты знаешь, что у них и разделения по полу нет? Семей? А значит, и чувств никаких. Любить они не умеют, к проявлению доброты, сопереживанию не способны. Твари. Как вспомню... Это было жутко. – Рарк встряхнулся, прогоняя вставшие перед глазами образы. – Не видела ты этого, и будь счастлива. И земной своей сострадательности не поддавайся, знаю я тебя – со вчера ведь переживаешь.

– Не то чтобы переживаю... – попыталась оправдаться, но он и слушать не стал.

– Не заслуживают они жалости, Тро! И сострадания! Окажись ты на пути этого амиота в прошлом – он бы тебя не пожалел. У него и мысль подобная не мелькнула бы. В следующий раз, когда с ним пересечешься, в первую очередь об этом вспомни.

– Хорошо. – С одной стороны, я согласилась, а с другой – не сдалась: – Но теперь ситуация иная. Их же изменили. Из бестелесных сущностей превратили в...

– Людей, еще скажи, – снова перебил Доран, буквально на глазах вспыхнув от гнева. – Почему вы, земляне, такие... такие... Глупые! Чужой опыт ничему вас не учит. Твержу тебе: твари они последние. И место им одно – на том свете. Только тогда я вздохну спокойно, когда во Вселенной не останется ни одного амиота. И ученые эти – идиоты, проблемы себе собственными руками создают. А расплачиваться придется, рискуя своей жизнью, таким, как мы, а то и вовсе беззащитным гражданским.

– Возможно, эти пленные – последние представители своей расы, – попыталась урезонить разошедшегося рарка.

– Троя, даже нескольких амиотов хватит, чтобы устроить настоящую катастрофу. И оставить после себя море жертв! Жизнь в Конфедерации что, стала слишком спокойной? Я б их всех прикончил! Так нет, изучают... – Доран сжал руку в кулак. – Ученые! Не люблю я эту братию, от них проблем не меньше. Нашли кого изменять. Тела самцов и самок из них сделали, потомства добиваются... – Он с отвращением сплюнул, спохватился и, затерев плевком ботинком, пожаловался: – Тошнит просто. Выведут нам всем на погибель новых тварей, только более совершенных. И что дальше? Копчиком чувствую, добром это не закончится!

– Тебе просто в отпуск пора. – Растянула губы в улыбке, как и напарник недавно, стараясь свести все к шутке. Уж больно много искренней злобы звучало в словах рарка. – Сколько мы торчим на базе? До конца вахты всего ничего, а там – домой. Я на Землю, а ты к себе на Ракис.

– Точно! Свалить бы отсюда. По бабам пройтись... – Он хохотнул, с явным усилием переключаясь на добродушие.

– Угу. А то все мысли о сексе, – поспешно поддела Дора, ухватившись за тему. – Ученые с их подопытными и экспериментами – только повод позлиться, а дело-то в их фокусах: спаривание, самочки-самцы... Вот тебя и накрыло похотью. Тоже гормоны играют? Скоро на персонал кидаться начнешь, кусать будешь! Уверена, эксперименты под контролем. Раз говорят, что они на пользу, значит, так и есть.

Напарник вздохнул, всем своим видом говоря: наивная. Как маленькую потрепал по макушке и охотно подхватил мой тон.

– Это ты тут отлеживаешься, а я замотался. – Карие глаза неожиданно уставились на мое запястье, в голосе появилось сомнение: – Кстати, Тро, ты правда в порядке? А то...

Он многозначительно и смешливо поводит бровями: мол, только намекни, я найду способ удавить твоего обидчика и не посмотрю на запреты и ценность... объекта.

– Нормально, – успокоила его. – Лучше расскажи, что в лаборатории дальше было? Когда стало понятно, что размножать не получится.

– Да ничего интересного, – отмахнулся Доран, – решили взяться за нового самца. Дьявола в клетку отправили, в общую камеру вместо лабораторной. Типа пусть с остальными пленными сидит, раз уж не выходит с ним успешного эксперимента. А потом я отчет часа три ваял... И перед начальством отдувался. Прости, поэтому только сейчас пришел.

– А ко мне и не пускали, пока полностью не обследовали. – С горячностью поспешила заверить: – Это ты меня прости, что подвела. Могу отработать! Следующий отчет сама напишу, а ты отдохнешь...

– Давай лучше ты со мной выпьешь? Расслабишься, – сбило с мысли встречное предложение. – Через пару суток как раз выходной.

Переходя от слов к делу, он резво пересел с кушетки на мою кровать и потянулся к лицу с очевидным намерением приласкать.

– Доран!.. – возмутилась, спешно отодвигаясь. – Ты все не утомонишься? Мы же договаривались! Ничего личного!

– Да, мы напарники. – Рарк примирительно поднял руки вверх, но даже не попытался вернуться на прежнее место. Более того, спустя миг он ловко расцепил верхние застёжки пижамной рубашки на моей груди и завлекательно промурлыкал: – Но не стоит отвергать другие варианты отношений. Мы же взрослые люди. Никого не заботит, чем мы заняты в личное время, если это не отражается на работе.

В последние дни иметь дело с Дораном становилось все хлопотнее: первоначальный легкий флирт, который я приняла за поддержку мужского эго, перерос в настойчивое преследование. Всякий раз, оставаясь наедине с ним, слышала одно и то же: Троя, почему мы до сих пор не закрутили роман?

– Нет! – Решив внести окончательную ясность, на полном серьезе двинула кулачком в плечо рарка. – Мне это не нужно, пойми уже! Для меня ты – напарник, если хочешь – учитель, настоящий авторитет. Но никак не мужчина, извини. Найди себе другой объект для приставаний. Иначе – предупреждаю – пожалуюсь старшему.

Мне казалось, что рарк наконец услышит. По сути, многое в нем мне даже нравилось: решительность, умение принимать волевые решения и следовать им до конца. Импонировал его характер, спокойные манеры и взвешенный взгляд на мир. Но... Никогда в моей душе не возникала потребность переступить черту с этим мужчиной, выйдя за рамки профессиональных отношений. Никогда!

Это еще не учитываю мои жизненные убеждения: растрачивать себя на бесконечную череду необременительных романов – бессмысленно, а смешивать работу и отношения вовсе чревато. Как избежать неловкости, когда эйфория легкого флирта пройдет?

Без намека на романтику я смотрела на Дорана в упор, мысленно умоляя свернуть с выбранной им колеи. Увы... Перехватив мой кулак, он разжал пальцы и притиснул ладонь к своему телу. Мощная грудь, обтянутая тонкой тканью армейской футболки, ощущалась рельефной и твердой.

– Тро, ты чувствуешь это? – Рарк плотоядно подмигнул, с усмешкой сложив губы трубочкой для поцелуя. Сейчас он дурачился, буквально излучая уверенность в своем жизненном кредо: перед красавчиком не устоит ни одна самочка. – Мое сердце бьется для тебя, мое тело наливается силой и желанием, когда ты рядом. Отбрось свои ненужные принципы, только представь, как хорошо нам будет, если ночи перестанут быть одинокими.

Пф... Вот они, минусы работы в мужском коллективе. Да еще на изолированном космическом объекте, где служебная вахта длится полгода. Зачем я выбрала профессию военного? Бес попутал, не иначе...

– Ты совсем дурень? Или глухой? Сдать тебя медикам? По слогам повторяю: не хочу ничего между нами. Не прекратишь настаивать – попрошу другого напарника, – прошипела, с силой выдернув ладонь из мощной хватки. – Может, разденешься еще? Товар лицом показать? Чего только грудь щупать? Хочу зад лицезреть. Девочкам это заходит!

Начиная закипать, я стала более резкой. То ли Доран перегнул палку, то ли его навязчивость стала последней каплей – я разозлилась.

– Когда тебя выписывают? Сегодня? Или завтра? Да неважно! Пусти меня к себе на ночь, я тебе все-все продемонстрирую. – Попавшись на крючок, он пошловато подмигнул, подскочил с кровати, отпустив мою руку. – Ты знаешь, какой я мастер стриптиза? Да от меня ни одна женщина недовольной не ушла!

В подтверждение слов рарк игриво подвигал плечами в такт только ему известной мелодии, прежде чем медленно задрал футболку, приоткрывая кубики пресса.

– Эй, на Луне, ау? – Со скучающим видом скользнула взглядом к потолку. – Я каждый день на занятиях в тренажерном зале и в бассейне таких пачками наблюдаю. Придумал, чем

впечатлить девушку, – бюстом третьего размера. Seriously повторяю: у тебя от недостатка секса проблемы. То, чего я опасалась, случилось – на коллег кидаешься. Видно, без напарника осталась...

– Вы что тут устроили? – Наше уединение, к моему невыразимому облегчению, прервал командный голос дежурного врача, немного ехидно добавившего: – Сержант Льеор, вам жарко стало? Перетрудились? И времени счет потеряли. Сколько вам выделили на посещение напарницы?

– Тридцать минут! – Дернув футболку вниз – она, бедная, аж затрещала, – Доран подскочил и щелкнул каблуками, замерев по стойке смирно.

Оно и понятно, врач – капитан медицинской бригады, повыше рангом будет.

– Прошло тридцать две, – непререкаемо сообщил доктор. – Свободны.

– Вколите ему гормональных блокираторов, – без намека на шутку внесла свою лепту, крикнув уже в спину Дора: – Иначе сгорит на работе парень.

Подхватив скинутый ранее китель и бросив на меня взгляд, полный недовольствия и, вопреки всему, обещания продолжения, рарк покинул палату.

– Рядовая Флэш, вы забыли, что у вас профосмотр? Или на выписку не собираетесь? – Теперь строгие серые глаза изучали мое покрасневшее лицо.

– Собираюсь. Так точно. Уже иду! – подтвердила, лихорадочно приводя одежду в порядок.

Впрочем, могла и не стараться. Во-первых, капитан медицинской бригады меня раздетой уже видел – он же при первичном осмотре присутствовал, где я была в костюме Евы. Во-вторых, в капсуле для проверки профпригодности больничную пижамку все равно пришлось сменить на трико-комбинезон. А потом целый час потратить на психологические тесты, три часа потеть на тренажерах, сдавать кровь, терпеливо ждать, пока бесстрастная система зафиксирует и проанализирует показатели, и, наконец, заполучить вожделенный штамп «Годна».

В палату я вернулась вымотанная донельзя, растирая безумно зудящую свеженькую татуировку-допуск на предплечье. Зато уснула без задних ног. А после завтрака, получив «добро» уже от медиков, помчалась на построение – прогулов даже по уважительным причинам начальство не терпит. И вообще, график дежурств на эту неделю узнать нужно – вчера не успела, потому как в лазарет загремела. И расписание тренировок. И режим смен – я ведь не только в конвое работаю, но и в секторе слежения за пространством. Потому что денег много не бывает!

А еще мне безумно хотелось разобраться в том, к чему я раньше особого интереса не испытывала. Амиоты... какие они? Не сейчас, нет, на таких я насмотрелась. Какими были раньше? Это только Дорану «повезло», он с ними практически лично пересекался. Был очевидцем, так сказать.

Его слова о том, что амиоты способны «выпить энергию и пустить по миру оболочку» накрепко засели в памяти. Как это понимать? Переспросить Дора и выпытать подробности не решилась, опасаясь, что напарник взорвется от злости. Но не один же он достаточно знает об этой расе?!

Тренер в зоне симуляторов! Тот, с которым мы отрабатываем приемы с энергетическими кинжалами. Он намного старше Дора. Без ноги, то есть с протезом. Со шрамами на лице. Кстати, тоже рарк. Я как-то не задумывалась, но его ранения могли быть получены в той самой войне! Главное, разговорить его...

Наверное, мне повезло, что в расписании служебных тренировок тренажерный зал стоял завтрашним днем, а сегодня с обеда меня ждали двенадцать часов дежурства в центре слежения за космосом. На это время, к счастью, мозг был занят, иначе я бы лопнула от любопытства.

После тренировки, вместо того чтобы вместе со всеми отправиться отдыхать, я сунулась к тренеру.

– Вам чего, рядовая Флэш? – оборачиваясь, рявкнул офицер.

Он сидел за столом спиной ко мне и наверняка заметил мою персону, отраженную в темном стекле пузатой бутылки, стоявшей перед ним.

– Прошу прощения, капитан Жьерк. У меня проблема. И вопрос. Можно?.. – Сделав вид, что не заметила компромата – запрещенного на базе напитка, я замялась, кусая в нерешительности губы, хоть и понимала, что для военного это недопустимо.

Не покажется ли офицеру странным мой интерес к подопытным? Под каким бы соусом его преподнести?

– Проблема? Гм... – Тренер на миг задумался, дернул рукой, задвигая сорокаградусный компромат за гору из одежды, обуви и оружия, живописно красующуюся на столешнице. Неловко отставив ногу, вцепился изуродованными пальцами в спинку стоящего у стены стула, подтащил ближе, хлопнул по сиденью ладонью. Рыкнул: – Садись.

Спорить не стала – сама на разговор напросилась! А ну как передумает! Шустро метнулась вперед, надеясь побыстрее получить ответы.

Неприятная усмешка искривила толстые губы, которые некрасиво прочертил грубый шрам. Добродушия в глазах не наблюдалось – в отличие от Дора этот рарк всегда казался угрюмым, ожесточенным и репутацию имел отъявленного грубияна. Оно и понятно, с такими травмами. Приласкав меня совсем не дружелюбным взглядом, офицер недовольно протянул: «Н-н-ну?»

Расценивать это можно было лишь как временное снисхождение. Которое моментально испарится, если моя персона напрасно оторвала его от... дегустации.

– Прошу совета опытного коллеги и профессионала! – выпалила, рванув с места в карьер и выжимая все из этого шанса. Готовая и к грубым окрикам, лишь бы заполучить крупницы информации из достоверного источника. – Мне вчера не повезло, вместо конвоя поставили на охрану в лабораторию, а у ученых там что-то не по плану пошло. В общем, – заторопилась, видя, как собеседник нетерпеливо забегал глазами по подсобке, – меня амиот за руку схватил.

– Оторвал? – презрительно буркнул капитан, на миг все же сместив на меня фокус внимания.

– Я оторвала. – О вкладе в произошедшее Дора умолчала – если скажу, еще и напарнику достанется «ласковых» слов от тренера. – *Другую* руку. Копию той, что оставалась прикованной к каталке. Призрачную. Туманную. Фиолетовую. – Перечислила все что могла, понимая, что по-другому не объяснить. Рарк застыл, вперив в меня пристальный взгляд. Напряженный и злой, нет, злющий. – А она потом в воздухе растаяла, – добавила последнюю деталь.

Резко поднявшись, так что вынудил меня отклониться, капитан шагнул в сторону. Отвернувшись, пару мгновений постоял, рывком выдернул припрятанную бутылку и глотнул.

– Сорке!

Еще одно непередаваемое, но без сомнения не самое приятное ругательство рарков.

Я лишь мысленно пожала плечами. Давно перестала принимать подобные выпады на свой счет. И похлеще выражения слышала в этом зале – вот уж где не считали нужным деликатничать.

– Дави их, гадин. В следующий раз сразу шпиль энергоклинком. На полную. Авось сдохнет.

– Если б знала, как давить... – предприняла попытку вернуть разговор в нужное русло.

– За сиськи вас, что ли, в космоконвой берут?! – в сердцах рявкнул тренер.

Ничего нового для меня и в этом заявлении не было. По сей день находятся те, кто полагает особой мужского пола (и неважно, какой расы!) более подходящими для работы в космосе. Впрочем, если не чураться привычной грубости капитана Жьерка, то мне с его прямолинейностью всегда было проще, чем с занозой-напарником, убежденным, что «все девки – его», стоит лишь подмигнуть.

– Прежде я с амиотом напрямую не сталкивалась. Чего ждать от них?

– Мозгов нет, – безапелляционно констатировал офицер, имея в виду меня, а не амиота. Развернулся и припечатал бутылку к столу. – Куда лезешь? Сиди на Земле и перед мужиками задницей верти.

И это пропустила мимо ушей, продолжая гнуть свое:

– Нам на занятиях ни о чем таком не говорили! Показывали только, как действовать, если пленник вырвется на свободу. Мы отрабатывали, как его вырубить. Или как убить...

– И чего не убила? – Жьерк рухнул обратно на сиденье. – Штаны мокрые помешали?

Он взял себя в руки – или это глоток живительного пойла сделал свое дело? – но сейчас выглядел более спокойным. С ленцой презрительно поглядывал на меня, покачиваясь на задних ножках жалобно скрипящего стула. Мне это показалось добрым знаком для более обстоятельного разговора.

– Приказа убивать не было, а инструкции по порядку действий касаются материального пленника. А тут что? Откуда вторая рука? Да еще такая ненормальная. Но при этом очень даже осязаемая! – Аж передернулась, вспомнив силу, с которой сжимались, сковывая меня, холодные пальцы.

– Гр-р-раш-ш... – зашипел рарк, – тупицы...

– Ученые?

– Да эти вообще ироды, создают тут ублюдков всем на погибель.

– Амиотов-подопытных?!

– Не суй свой нос во все это! И держись подальше от гадин. Твое дело – разродиться! Чего, обрюхатить некому?

– Я уже *тут*, – веско и спокойно напомнила самому ярому женоненавистнику станции, – и до конца вахты никуда не денусь. Что случилось однажды...

– Сплюнь, безмозглая.

– А кого еще мне о них расспрашивать, как не профи? Если даже инструктор...

– В черную дыру вашего инструктора. Выслужился. Случись реальный замес – от всех нас вместе взятых толку будет не больше, чем от тебя одной. Разве что повизжим хором. Только амиоту с этого визга, что рарку с...

– Так что с второй рукой? – перебила, и так зная, что услышу. – Какие они... ну, когда фантомы? Все амиоты на базе – материальные, других я не видела. На что они похожи?..

– В своем истинном облике? Да почти ни на что. Бледные фиолетовые сгустки, граш их раздери. Это же энергетические поля, у них нет формы.

«Ни формы, ни чувств, ни привязанностей», – вспомнились слова напарника, от которых по позвоночнику снова прошла холодная волна. Перед глазами встал тот фиолетовый туман, что заполнил лабораторию, в ушах раздался визг профессора: «Загоните его обратно!», а дальше... погиб сотрудник лаборатории. Получается, я своими глазами видела, как амиот выбрался из тела и убил лаборанта? Вот дела...

– А когда материализуются? – рванула в наступление, всеми силами скрывая жадное любопытство.

– Что угодно могут имитировать. Любой живой объект. Тобой станут запросто – мать родная не отличит. Иногда даже предметы создают. Не огнестрел, конечно, попроще. Решетки, цепи, плетки... Но уж как ими тебя «приласкают», мало не покажется. Так-то... – каждое слово капитан Жьерк скорее выплевывал, чем говорил, но я была благодарна и за это.

– Серьезно?! – В голове не укладывалось, пояснения рарка меня шокировали. – Но на базе все пленники-амиоты материальны. В таком виде они же не превратятся во что-то еще?

До инцидента в лаборатории я и эту, туманную, сторону не видела.

– Думается мне, – тренер с отсутствующим видом, возможно, на миг забыв, что разговаривает с презренной самкой, смотрел куда-то в пространство поверх моего плеча, – в этом и смысл всех прежних опытов. Как-то ученым удалось зафиксировать пленников в постоянном

физическом теле. Или их вынудили создать себе эти тела, чтобы выжить. Граш разберет. В материальном виде амиоты менее опасны... так считается.

– Таким способом ограничиваются их фантомные навыки?

Даже дыхание затаила, ожидая ответа. Понятно же, что полного успеха в эксперименте над амиотами нет, раз вчерашний пленник сумел прорвать навязанную оболочку, вопреки всем изменениям перевоплотившись в смертоносный туман. Опять же, злополучная рука, что помешала мне...

– Слепцы! – Капитан моргнул, опомнившись, взгляд мгновенно стал недовольным. – Ученые не видят дальше своего носа. Этих гадов не изменить, все, что они могут, – убивать. Оттого и каждый пленник здесь заслуживает лишь смерти. Когда-нибудь до ученых это дойдет, раз дошло до глупой сорке вроде тебя. Только пока они, выходит, глупее...

– Я знаю, что в наше дежурство погиб один из исследователей.

– Не в первый раз. – Рарк даже не удивился. Вновь потянулся к бутылке, но прежде, чем сделать большой глоток, от души выругался. – Запреты, запреты... Нам все запретили, трясутся над этими гадинами. Роят себе могилу. Уже вырыли! – Переведя на меня помутневший взгляд, он внезапно заговорил тише, проявив почти сочувствие: – Попроси о переводе. Не место тебе тут. Все здесь однажды... закончится.

Последние слова прозвучали зловеще. Капитан махнул мне рукой, ясно давая понять: убирайся. Под его обреченное ожидание я подскочила и опомнилась, только оказавшись в своей каюте. Разговор оставил тягостное впечатление: на какую развязку намекал тренер? Присев на кровать, устало потеряла лицо.

С одной стороны, рарки сильнее других пострадали от войны с амиотами и не верили в возможность перемен, просто не допускали их. Больше того, они ждали... Ждали повторения! Можно ли считать это следствием глубочайшей ненависти к тем, кого привыкли полагать извечным и не знающим жалости врагом? Или они единственные, кто реально оценивает перспективы происходящего, понимает истинную цену последствий?

С другой стороны, тот пленник. Даже по прошествии трех дней мне не удавалось стереть из памяти его облик, истерзанное и искореженное болью и муками тело. Живое олицетворение нашей собственной жестокости! Можно ли винить его за агрессию?

Откинувшись на подушку, вытянула вперед руку. Растопырив пальцы, коснулась ладони другой рукой, пытаясь представить, каково это – однажды открыть глаза и осознать, что у тебя нет руки. Вовсе нет тела! Что ты – уже совсем не ты. И увидеть рядом тех, кто сделал это с тобой.

Пусть с пленными амиотами было все наоборот – они не потеряли материальность, а приобрели, но и это не укладывалось в сознании. Неужели в таких условиях они смогли сохранить разум? Каким бы отличным от привычного мне понимания он ни был. Или же капитан Жьерк и Доран правы – рядом с нами бомбы замедленного действия и глобальной разрушительной силы, направляемые единственным ощущением – болью?..

Заставила себя закрыть глаза. Все, хватит! Спать! Завтра на дежурство. В обезьянник... К подопытным!

Глава вторая

Кин

Толчок. Меня швырнули намеренно бесцеремонно.

– Хороший денек, да, приятель? Попользовали тебя от души, на потроха пошел.

Дружный хохот. Глумливый, озлобленный. Эти убогие даже не осознавали, что за их нарочитым презрением я отчетливо распознавал глубинный неизжитый страх. Страх перед такими, как я. Даже пленными, скованными, даже лишенными всякой силы.

– Тварям самое место на разделочном столе. Ты лишь подопытная крыса!

Отвратительные голоса отражались в сознании гулкими отзвуками, мутные темные силуэты сменялись яркими пятнами, не позволяя сосредоточиться и понять, что происходит.

Треск, хлесткий удар. Еще один. Мерзкое, прилипчивое ощущение неполноценности и бессилия... Преодолевая его, оттолкнулся от жесткой, неприятно скользкой поверхности, поднимаясь на руках, с усилием напрягая мышцы и стараясь не обращать внимания на дрожь, сотрясавшую тело. Преодолевая нарастающую тошноту, зажмурился – сильно до светового всплеска, стиснул челюсти до хруста, задержал дыхание, прогоняя слабость. Поднял голову, одновременно открывая глаза.

Зрение наконец прояснилось. Сквозь свисающие грязные пряди теперь можно было рассмотреть тех, кто так бесцеремонно обращался со мной.

Два безобразных комка розовой плоти, ограничивающие себя от воздушной среды черными пластами неорганической материи, скалили желтые жесткие наросты, рассматривая меня круглыми белесыми сферами. Издавали рыкающие вибрации, сотрясая воздух. Двигали отростками, прячась за грозно-сверкающими линиями полей высокой мощности.

Нет, разумеется, я знал, что все это можно называть и воспринимать иначе. Гуманоиды. Двуногие, двурукие. У них есть голова, кожа, одежда, зубы, глаза, речь, и меня они заперли в силовой клетке. Но мыслить их штампами, их понятиями, уподобляться низшим не хотелось категорически.

Убогие трехмерные уроды, считающие себя высшей разумной формой жизни, а по сути – презренные, жалкие ничтожества, трясущиеся и цепляющиеся за свое физическое воплощение, как за главную ценность. В то время как истинная суть их существования – быть источником энергии для таких, как я! Хранить ее в себе, накапливать до тех пор, пока не решу ее забрать!

Облизав покрытые жесткой коркой губы, почувствовал отвратительный металлический привкус и хрипло рассмеялся. Самонадеянный идиот. Чем я сейчас лучше их?

«Чем мы все лучше?»

Последняя мысль прозвучала, словно брошенная со стороны. Не мной, кем-то.

Резким движением развернулся, заставив гуманоидов отскочить, хоть и находились они в безопасности, впился взглядом в собрата по несчастью, вяло шевелившегося в паре метров от края клетки, наверняка тоже не в силах выбраться из статичной материальной формы. Факт его присутствия стал настоящим открытием – до этого момента я был уверен, что из нас, кроме меня, уже никого не осталось.

«Кто?» – я напрягся, посылая обычный сигнал опознания.

«Тас, – вернулась волна. – А ты?»

«Кин», – сообщил, стараясь скрыть разочарование. Тас был самым слабым и глупым в группе. Я вообще полагал, что его развеяло во время последнего столкновения с материальным противником. Очень уж мощной и неожиданной была атака.

«Помоги, – предсказуемо заныл Тас. – Что происходит? Где мы? Хочу отсюда уйти. Мне тесно».

Имел он в виду вовсе не мир, всего лишь тело, и я это понял. Но самое главное – услышал обнадеживающее «мы».

«Пока не получим контроль над происходящим, уйти не получится. Где остальные?»

«Восприятие расширь», – донеслось до меня еще одно сообщение. Близкое настолько, что не опознать отправителя было невозможно.

«Ори», – коротко подтвердил узнавание. Снова напугав гуманоидов, перевернулся, отыскивая глазами очередное физическое воплощение. Массивное, грязное, серокожее, с темными уплотнениями на плечах и спутанными черными волосами, закрывающими лицо, но при этом несущее в себе того, кто никогда не отступал и не бросал начатого на половине.

«Где тебя носило, Кин?» – яростно сверкнули фиолетовым отблеском глаза, за которыми прятался практически равный мне по силе собрат. – *«Раз ты жив, почему не с нами?»*

«Знал бы я сам», – осадил его. Конкурентами мы никогда не были, но и причислять меня к дезертирам не позволю.

«Что помнишь из последнего?» – не сдался Орш.

Хороший вопрос. Однако прежде, чем я смог на него ответить, пришлось ждать, пока из глотки наружу не выйдет то, что материальные уроды зачем-то запихнули в приданную мне оболочку. Гадкое тело!

«Мы рвали на атомы планетоид, – ушел мыслями в прошлое, чтобы снова как наяву ощутить триумфальное чувство свободы и торжества. – Энергии в нем было много, текла она легко и быстро. Я увлекся поглощением, не заметил приближения опасности».

«Никто не заметил», – вплеся в мое признание еще один собеседник, но я не придавал этому значения. Продолжил: *«Понял, что нас окружили, когда оказался в тисках неструктурированной энергии. Пробиться сквозь нее не смог, поглотить тоже. Привычного мира не стало. Материальный исчез. Двигаться было некуда. Энергии становилось все меньше, я слабел, казалось, это конец. А потом неожиданно понял, что...»*

«Что прочно заперт внутри физической оболочки, – перебив меня, признался Орш, видимо испытавший то же самое. – А разорвать ее и выбраться не получается».

«Я ее рвал! – внес коррективы. – Трижды».

«Силен, – хмыкнул Орш. – Где взял подпитку?»

«Не вникал. Кто первым подвернулся, у того и высосал, – отрезал я, смутно припоминая дергающееся в конвульсиях тело. Вернее, два тела, наполненных желанной энергией. – Только времени на полноценную подпитку не хватало. Меня каждый раз скручивало в тиски. Потом фаза небытия и новое возвращение в навязанную оболочку», – закончил, наконец заставив тело отползти в сторону от муторной зеленой жижи, над которой оно все это время так и нависало, покачиваясь.

«Видимо, тебя держали отдельно, раз впервые оказался здесь», – высказал догадку Орш.

«А я тебе говорил, – опять проявил себя неизвестный, – что у гуманоидов не одно помещение, где с нами... работают».

«Работают?» – издевательски бросил Орш. – *«Хал, ты, оказывается, гуманист».*

Хал? Хал, Хал... Я задумался, перебирая известные мне комбинации. Хм, мне этот собрат незнаком.

«Ты же не с нами проходил через брешь миров. А мы ушли первыми. Значит, была вторая волна экспансии в это пространство?»

«Вторая была, – согласился Хал. – Но я из третьей. И мы едва успели проскочить. Брешь закрылась бесследно, а я попал в плен, не успев даже начать поглощение».

«Ого... – восторгнулся я, ощущая, как теряю опору. Во всех смыслах: и моему самосознанию стало не по себе, и брэнная оболочка завалилась на бок, чувствительно приложившись бедром об пол. – *Мы здесь застряли? Домой нам не вернуться?*»

«Если не откроется новая брешь...» – философски протянул Хал.

«Если мы вообще выживем!» – бросил Орш.

«Если перестанете лить энергию попусту», – тихо прошипел...

«Щег! – опознал я. – *И ты здесь!*»

От неожиданного осознания того, что нас не так уж и мало, я испытал воодушевление. Завозился на холодном покрытии, рыкнул с досады, заставляя непривычное, чуждое мне тело подчиняться, оттолкнулся и, наконец, встал. Обретя равновесие, сфокусировался и осмотрелся.

Примитивные гуманоиды меня больше не интересовали. Взгляд скользнул дальше, пробежав по невзрачным серым стенам, силовым полям, ограничивающим наше пространство для жизни, низкому металлическому потолку, полу, где-то чистому, а где-то покрытому спекшейся органикой. Именно на нем сейчас в разных позах – кто неподвижно, а кто осторожно перемещаясь, – находились те самые физические тела, что на самом деле являлись для нас клетками. Такие же гуманоидные, как у пленивших нас существ, и все же чем-то отличающиеся. Впрочем, внешний вид оболочек волновал меньше всего. Не они важны сами по себе, как не важна примитивным существам их одежда. А вот количество...

«*Так сколько же нас?*» – спросил сам себя.

Ответ получил от других: «*Восемнадцать*».

Немного... В моей группе было больше тысячи подобных мне, и мы были первым отрядом, отправившимся на освоение новых источников энергии. После нас, судя по заявлению Хала, были и другие. Не знаю пока, насколько многочисленные, но... Но из всех только мы и выжили?

Значит, восемнадцать... Возможно, больше, ведь здесь определенно не все. Кто-то, как и я до этого, может находиться в бессознательном состоянии в других... местах.

Где именно?

Ответ на вопрос дался с трудом – образы, вызванные отдельным усилием, выходили размытыми и отрывистыми.

Тьма. Вспышка. Энергия совсем рядом – манящая, притягательная, но взять ее нет никакой возможности. Непонимание. Что не так?! Краткий миг забытия. Снова всполох пробуждения. «Хороший экземпляр... в моей лаборатории... степень фиксации семьдесят процентов... вводи первую дозу... реакция пошла... надо повторить...» – звуки, раздражающие своей бессмысленностью. Тесный плен оболочки, которая скована так же, как и я. Попытка вырваться. Белые границы, за которые нет хода. Сжимающие, удушающие тиски. И снова тьма.

Воспоминание, от которого хотелось лишь одного – разорвать, испепелить, уничтожить тех, кто лишил меня свободы. И поглотить! Выпить! Забрать у них то, что до сих пор манило, несмотря на ограничения.

Среагировало и тело. Кулаки сжались, взбугрились мышцы, словно силаясь разорвать несуществующие путы, а из горла неожиданно вырвался яростный рокот низких частот.

– Смотри-ка ты, ожил, – раздался дерзкий смех, скрывавший очередную волну страха. – Живучая тварь.

– Отойди, Ральюс, не провоцируй, а то опять выговор получим.

Считающая себя вершиной пищевой пирамиды особь проявляет осторожность? Интересно... Я вернулся взглядом к своим тюремщикам, изучая их внимательнее. Делать это, используя ограниченные возможности навязанного тела, было невыносимо, но иных вариантов не осталось.

Первый, тот, что вел себя наглее, – классический примитивный гуманоид. Беловолосый высокий двуногий демонстративно скалился, выражая презрение. Только он не мог знать, что своей бравадой спровоцировал вспышку интереса с моей стороны. Вдруг проявилась неосознанная опция ставшего клеткой тела, подарив сверхъестественную зоркость, и я отчетливо увидел предназначенными для этого органами учащенно пульсирующую жилку за ухом тюремщика и спешно скользящую по отвратительно розовой коже капельку влаги. Страх... Он знаком этому существу. Именно его он прячет за показным бесстрашием. Жалкий. Легкая добыча.

То есть был бы легкой добычей, будь я собой прежним.

Но я запомнил этот вид местных. С таким расовым типом раньше сталкиваться не доводилось, хотя я не особо обращал внимания на такие детали пищи, как цвет волос и крепость нервов.

Второй, куда более осмотрительный, – крепкий, коренастый остроухий брюнет с мрачным настороженным взглядом. А вот этих помню. На моем личном счету сотня таких, плюс два звездолета и орбитальная станция. Энергии тогда накачал знатно, жаль, до самой их планеты не добрался. Так и не понял, куда она исчезла под самым носом. То ли другие из моего отряда успели раньше, чем я смог на нее переключиться, то ли ушастые нашли способ ее спрятать. И сами сбежали, потому что после этого я взаимодействовал с кем угодно, но не с ними.

Придется изучить всех неожиданно сумевших совладать с нами. Они убеждены, что пленили нас, заточив в бесполезные оболочки? Сделали подобными себе? Ничтожными, ограниченными и подконтрольными? Что ж, зря. Я сумею приспособиться, сумею вырваться, сумею... забрать их всех.

Мы сумеем.

– Да что он мне сделает? – не внял дельному совету беловолосый. – Сидит себе в клетке... Он слаб, словно новорожденный, только и способен, что на ноги встать.

Подошел он близко. Так близко, что удержаться я не смог. А может, просто не захотел, больше всего желая сейчас наказать примитивного гуманоида, возомнившего себя победителем. Такое знакомое по прошлому, практически рефлексное поведение – стремительный бросок к идущей на тебя добыче.

Быстрый выпад... и острое сожаление: вместо сгустка энергии вперед дернулось тело – непривычная, неловко управляемая мной обуза. А вместо приятного притока живительной энергии – силовой разряд от энергетических брусьев клетки, пронзивший навязанное тело и отбросивший его на пол.

Ощутил я это вопреки пониманию. Что за чувство? Невыносимое, тягучее и разрывающее на части? Уже знакомое по вспышкам пробуждения в лаборатории.

«Кин, брось, – запоздало предупредил Орш, – это бессмысленно. Без оболочки ты, может, и прошел бы ограничительное поле, а с ней...»

«В каком смысле «может»? – опешил я. – Ты не пытался?»

«Ты меня вообще слышал? – обрушилась на меня волна раздражения. – Мы в них жестко зафиксированы. Из тел не вырваться, они как кандалы, и их через энергетическую клетку не протацишь».

«А ты меня слышал? – все еще испытывая странную агонию, взвыл я не менее яростно. – Я трижды из оболочки выходил!»

– Что, гад, не выходит? – словно меня услышав, выкрикнул беловолосый, сбивая с мысли. – Лапки короткие? Теперь все иначе! Вот она, расплата. Удивлен? Не знал подобного? Так запомни, отныне боль станет твоей постоянной спутницей. – Он засмеялся, наслаждаясь собой и чувством безопасного превосходства. – Давай, давай поднимайся, амeba треклятая. Сделай так еще! Повесели нас!

Издевается. А ведь сам реально напуган, отскочил едва ли не дальше, чем меня отбросило. Дышит рвано и за оружие схватился – невзрачную на вид рукоять, энергия в которой совершенно бесструктурная. И опасная...

– Цыпа, цыпа, иди к папочке. Мигом станешь грилем, – вновь посыпались глумливые смешки. – Знакомая штучка, а? Думали, сожжете нас всех? А мы вот не так просты и нашли чем вас уделять. Превратили в ничто! Даже праха не осталось! Один большой пшик – и нет прожорливого амиота. Всех вас нет!

Силясь не упустить контроля над происходящим вокруг – а знание сейчас важнее всего, – я сосредоточился, заставляя себя не думать о... как сказал ничтожный? О боли! Пришлось пересилить отвращение, вновь пытаюсь понять, как работает видение через элементы чуждой оболочки.

Амиоты? Слово кольнуло узнаванием. Прежде слышал его в лаборатории. Так эти... материальные называли нас, эдаити.

Но все внимание сейчас – на оружии охранника. «Знакомая штучка»? Так он сказал? Да, очень. Настолько, что новых встреч не хотелось. Это ведь после контакта с ней настает то беспмятство, при котором надолго теряешь осознание самого себя.

– Остынь. – Положив руку на судорожно сжатый кулак беловолосого, второй гуманоид заставил оружие опустить. – Чего завелся-то? Расслабься. Скоро смена придет. Не лезь к нему. Получим нагоняй, если сдохнет тут внезапно.

Значит, меня ждет передышка. И новый шанс разузнать о тюремщиках больше.

«Часто они меняются?» – бросил вопрос своим.

«Да, довольно часто. А на время кормления и для транспортировки в лабораторию прибывает дополнительная пара охранников», – пришел глухой отклик от Щега.

Кормления?!

«Это же не?...»

«Именно».

Отвращение накрыло волной, стоило вспомнить ощущения продвижения в недра этого жалкого тела твердой и склизкой субстанции... Как они ее называют? Еда?

Сколько еще мерзостей нам уготовано испытать в этом коконе-тюрьме?

– Смирно!

Хорошо поставленный голос вновь привлек мое внимание к происходящему за пределами клетки. Принадлежал он гуманоиду, внешне мало отличному от ушастого, разве что у него уши были скругленными, а верх головы закрывал плоский предмет одежды.

– Доложите обстановку, сержант Кригс, – продолжил вошедший, за спиной которого прятались силуэты еще двух гуманоидов.

– Все штатно. Происшествий не было, – без запинки отчитался брюнет.

Так-так... Значит, мои попытки не в счет? Ну ладно...

Кивнув, субъект вышел, зато теперь в зоне видимости оказались те, кто скрывался за его спиной.

Первое, что я ощутил, – они разные. Не в смысле внешнего облика, хотя он тоже имел отличия, а иначе. Однако объяснить, как именно «иначе», в чем заключаются различия, пока не мог. Второе – с этой парой я уже пересекался. Перед небытием, после которого осознал, что меня волокут в клетку, *они* были последними, кого я воспринимал.

Воспоминание о появлении рядом темноволосого крупного субъекта отражались в сознании двойственно: сначала нейтрально, как факт близкого присутствия, раздражающего от невозможности взять то, что мне было необходимо; затем мощно – как приступ ярости, потому что именно его оружие заставило меня взорваться яркой сверхновой, потеряв самого себя.

Реакция на другого, более щуплого гуманоида, с волосами чуть светлей, оказалась куда более неоднозначной. Сумбурной, противоречивой, клокочущей. В ней было так много наме-

шано, что пришлось постараться, чтобы разобраться в сложном переплетении. Я вспомнил, как крайне неосмотрительно приближалось ко мне это существо, буквально истекая такой желанной энергией. Как, сходя с ума от невозможности ее взять, я бился в путях удерживающей меня оболочки. Как неимоверным усилием все же прорвал оковы, клеймя то, что теперь по праву было моим! Было, но не стало. Потому что энергию этой особи я так и не забрал. Не успел.

И теперь с жадностью следил за добычей, получить которую для меня – уверен – вопрос времени. Я никогда не отступал. И впредь этого не сделаю.

– Как сегодня наши... твари? – дождавшись, когда плотно сомкнутся створки дверей, презрительно бросил тот из пары новоявленных охранников, кто смог остановить меня ранее.

Из его рта, сорвавшись с губ, с силой вылетел сгусток белесой жидкости и упал почти к моим ногам.

– Доран! Не перегибай палку! – одернул его приглушенный окрик. – Наше дело – следить за безопасностью. Глумиться над заключенными – это недос... – моя несостоявшаяся пока добыча замялась. – Непрофессионально.

А я наконец сообразил: так вот в чем отличие, это *другая* особь!

Полярная? Супротивная? Антипод?.. М-м-м... Слышал же, слышал название... Напрягся, перебирая отрывочные сведения, что накопились за время плена, пока в памяти наконец не всплыло: женская!

– Мужчины совсем одичали за время долгой вахты, что с них взять? Не обращай внимания, Троя, – раздалось уважительно-извиняющееся приветствие сдержанного напарника беловолосого. – Ты сегодня с нами? Как такое чудо случилось? Но уж, поверь, я тебе рад. Обычно эти двое умудряются весь пол желчью закапать.

– Это мы-то?.. – Беловолосый Ральюс встал в позу, выпятив грудь, но договорить ему не дали.

Та, что именовалась Троей, ответила сержанту Кригсу кратким смешком:

– Представляю...

Впрочем, дальше говорила она спокойно и обстоятельно. На меня не смотрела, чего не скажешь о буравящем, ненавидящем взгляде... Дорана? Так она его назвала?

– Меня вне плана поставили. Из-за медосмотра сместился график, поэтому вместо смены в центре контроля внешнего периметра станции я сегодня с вами.

– Медосмотр? – заинтересовался ушастый брюнэт. – Что-то случилось?

– Нет.

– Случилось! – Если Троя попыталась скрыть правду, то ее напарник и не собирался, даже получив от нее недовольный взгляд. – Этот демонюга, – кивнул он на меня, – вырвался и почти покалечил мою девочку. А перед этим, – многозначительно понизил тон, – схарчил одного из заучек-ученых.

– С-сожрал?! – Визгливое удивление беловолосого резануло неприятным диссонансом. Очевидно, он только сейчас уразумел истину в недавнем совете напарника. – Но ведь говорили, что они не могут... ну это... когда как призраки... – Ральюс шумно выдохнул. – Вроде теперь у них тела, и потому проблемы исчезли.

«Кин, это они о тебе?» – не выдержал Орш. – *Ты невероятен...*»

«После обсудим», – подавил его инициативу, боясь упустить хоть слово.

– Тише вы! Чего разболтались? – синхронно со мной шикнула Троя.

– Жратву же им еще не доставили. – Доран вяло махнул рукой. – А пока представление не началось, чего бы не поболтать?

Последнее прозвучало зловеще и потому заинтересовало не только меня.

– Представление?

– Ты бы видела, как они давятся. Заблюют тут все. Как у вас на Земле бы сказали – франкенштейны недоделанные. Может, ученые им чего внутри прирастить забыли? Теперь трубочку надо вставить?

От интонации, с которой это было сказано, фонило одновременно ненавистью и бессилием. Субъект меня раздражал.

– Хотели как лучше, а получилось как всегда. – Тот, сдержанный, глухо вздохнул. – Я слышал... только тс-с-с, не для разглашения. Так вот, говорят, для этих тварей тела специально создавали. Взяли лучшие гены от всех известных рас содружества – разработка уже существовала. Видимо, пришла кому-то в голову безумная мысль создать идеальные управляемые полумудрые организмы, способные выполнять миссии в самых недоступных уголках космоса.

– А амиоты-то тут при чем? – как и я, не поняла логики Троя.

– Так тела, даже самые совершенные, без разума ничего не стоят. Пустышки. Кто-то должен ими управлять. Вот какой-то умник и решил, что нематериальные сущности для этого самое оно. Тем более удалось их заполучить. Прежде-то у нас такого не встречали, а тут нахлынули, волна за волной. Чего только во Вселенной не водится...

– Универсальные солдаты? – Троя впервые взглянула в мою сторону и едва приметно вздрогнула. – Секретная разработка? Надо же... Как оперативно организовали. Только материал взяли уж больно... непредсказуемый.

На удивление жалкая оболочка не подводила – подчиняясь моему живейшему интересу, органы, отвечающие за зрение и слух, работали на пределе. Я отчетливо слышал каждое слово шептавшейся у стены охраны и видел каждый волосок на затылке своей несостоявшейся добычи.

– Взяли их, потому что альтернативы нет. Лишь поэтому оставили в живых и держат здесь. А по мне, так лучше бы они вообще никогда не появлялись в нашей реальности. – Беловолосого заметно передернуло.

– Уж это точно, – поддержал Доран. – День, когда внезапно невесть откуда, как из черной дыры, стали появляться эти твари и все подчистую уничтожать на своем пути, для всех стал кошмаром. Это даже потерями назвать нельзя! За ними все исчезало, оставалась только пустота.

– Конец казался неизбежным, – тяжело вздохнул сдержанный тюремщик. – Каждое утро благословляю заучку, выдвинувшего теорию о сращивании разных типов энергий и изобретшего энергетические клинки.

– И от лабораторных фанатиков польза есть, – согласился беловолосый. – Создали оружие, способное не просто задержать, но и уничтожить монстров. Только успех заслонил здравый смысл, замахнулись на невероятное. Думается мне, ничего у них не выйдет. Разумного и послушного уж точно, раз амиоты, даже заточенные в тела, ухитряются нас убивать...

Странное название, данное нам противником, изрядно раздражало, звучало так же жалко и бестолково, как они сами.

– Хочется взорвать это место, отправив в бездну всех заучек с их великими теориями и подопытными гадами! – едва шевеля губами, прошептал Доран.

Но я его слышал!

С ним согласились все, кроме Трои. Моя добыча почему-то промолчала.

– Дальше будет только хуже. Вчера в лаборатории кое-кто проговорился, что пленных будут тестировать.

– Как?

– На нас обкатают! Они это спаррингом называют.

Весь обратившись в слух, кинул собратьям вопрос: «Слышите?»

«Да. Предвкушаем...» – пришел общий отклик.

– Оружие-то хоть оставят?

Беловолосый трус задержался! Вот и встретимся...

– Оставят, ясен граш, – поспешил успокоить его Доран, хотя в его интонациях слышалось сомнение. – Иначе какой смысл? Пленные должны осознать, что в наших силах прибить их. Знать и бояться. В этом залог послушания. Иначе грош цена этим... дьяволам.

В суть эпитета вникать не стал, как и мои собратья.

«Ничтожные глупцы», – прошелестело с нескольких сторон, и я не раздумывая согласился.

– Черт! Как я не хочу в этом участвовать!

Троя... Почему я ее выделяю? Она такой же враг. Стоит нам избавиться от навязанных тел, и она неизбежно погибнет, как и все остальные. Станет моей добычей, только моей.

– Не бойсь, тебе не грозит. Баб на ринг не пускают.

– Рарк! – Она развернулась к напарнику, в упор уставившись в его глаза. – Ты меня трусихой назвал? Или сомневаешься в моих профессиональных навыках?

Почему «рарк»? Он же Доран. Или это не имя, а название расы? Расы остроухих? Я все внимательно анализировал и запоминал.

– Не кипятись, девочка, – вновь притушил огонь эмоций более спокойный охранник, – Доран просто заботится о тебе. Ты же помнишь, он уже сталкивался с амиотами в бою. И выжил! Его право поучать менее опытных.

– Поучать, но не глумиться, – немедленно откликнулась Троя. – Завел привычку...

На последних словах она зашипела в сторону, и Доран шагнул к ней ближе. Больше того – положил ладони на плечи.

– Напарница? – Склонившись к ее уху, явно скрывая сказанное от сослуживцев, шепнул: – Это действительно забота. Ты же знаешь, как... дорога мне? И я не прочь лично продемонстрировать тебе всю величину своего волнения. Хочешь, сегодня?

Это намек? Намек на что?

Никогда не задумывался, в чем измеряется волнение. Может, у гуманоидов есть какой-то особый орган, его накапливающий? Возможно, такая демонстрация является совершенно обычной? Но намек мне не понравился. И не только мне! Навязанное тело тоже отреагировало, усилив биение сердца и учатив дыхание. Ого... У него, похоже, есть независимые от моего контроля какие-то автоматические функции. Нужно разобраться...

Прерывистый воющий звук сбил меня с мысли. Неожиданно громкий, он вспорол тишину, сопровождаясь яростными вспышками огня над входом.

Моментально среагировав, четверо стражей рассредоточились вдоль энергетических клеток. Женщина оказалась ближе всех к моей, но, как ни старался, поймать ее взгляд, желая распознать настрой, я не смог. Она упорно смотрела в сторону, вернее, на разъехавшиеся в стороны створки дверей.

Из-за них показался медленно плывущий по воздуху контейнер, который толкали тонкие нескладные существа в голубых хламидах. Еще одна материальная раса этой реальности с пока неизвестным мне наименованием? И ведь что интересно – их кожа такая же серая, как у тел, что стали нашим пристанищем.

Что там обсуждали эти примитивные? Взяли лучшие гены от всех известных им рас? Если это называется «лучшее», хорошо бы понять, с чем сравнивали.

Но разбираться будем позднее. Сейчас важнее понять, что нас ожидает в ближайшее время и что за дрянь палковидные немощи достают из сфероподобных капсул и пропихивают в клетки, локально отключая волновой защитный каркас.

Вытянув шею, для чего пришлось изрядно напрячься, я настороженно присмотрелся к невзрачной белесой субстанции в неглубокой емкости, просунутой в мою камеру. В нос ударила волна запаха. Не такого едкого, отвратительного, каким было пропитано помещение, другого – притягивающего, дразнящего, подчиняясь которому тело неожиданно само подалось

вперед. Рефлексы – очередная примета материального мира? Пусть я еще не слишком хорошо разбирался в происходящем, но мой разум интуитивно взаимодействовал с навязанной оболочкой.

Я этого не ожидал и растерялся. Спихнулся, лишь когда понял, что стою на коленях перед емкостью, мои материальные конечности с жадностью запихивают *это* в рот, а челюсти щелкают, размельчая твердые куски.

– Гляди, за миску-то схватился, не отобрать... Как протеинчики жрать, так за милую душу. Синтезированное мясо лучшего качества на этих... переводят, – слышался презрительный шепот Дорана.

Отвращение, родившееся в сознании, бесследно не прошло – в недрах тела поднялось уже испытанное чувство тошноты. Видимо, эту оболочку и раньше как-то кормили, только я этого не осознавал.

Оттолкнув миску, обхватил тело... свою тюрьму руками и согнулся, страстно желая избавиться от чужеродной массы. Исторгнуть из себя... инородный объект. Последовавшие со стороны тюремщиков смешки не задевали – они просто не доходили до сознания.

«Кин, перестань сопротивляться!» – донесся тревожный возглас Орша. – *«Это оболочкам необходимо».*

«Ты можешь получить из нее энергию», – добавил Щег.

«Эта штука называется «пища» или «еда», и она, когда внутри, может одновременно и тебя подпитывать, и поддерживать обмен веществ физического организма, которым являешься оболочка», – разъяснил еще кто-то.

Меня поразила мысль, что энергию можно добыть иначе. Другим способом. Правда, для этого придется сидеть запертым в неповоротливом теле!

Видимо, сомнения и метания привели к отсутствию контроля над телом, рефлексы вновь возобладали, и все проглоченное осталось внутри, а зубы с жадностью вгрызлись в новый кусок. Рвали, грызли, перетирали... До тех пор, пока пища не закончилась. Второй за сегодня эпизод с всплеском активности, связанный с еще плохо подчиняющимся телом. Постепенно я все больше узнавал о нем вопреки желанию...

Так и сейчас – с оболочкой происходило что-то странное. Тело, насытившись необходимым для полноценной работы «материалом», отяжелело, дыхание давалось с трудом. Отросток во рту, который, кажется, называли «языком», стал неповоротливым и сухим.

Преодолевая накатившую слабость, я огляделся, чувствовал – необходимо что-то еще! Но что?

«Вода! Она тоже нужна оболочке».

Подсказка Орша дала лишь осознание – вожденная жидкость далеко. Еще одна емкость поставлена у самых прутьев, которые снова сияют зловещим предупреждением ограничительной энергии.

Разумом понимал – меня тянет к воде. Но тело? Оно перестало повиноваться: обмякло, потяжелело, словно отдалилось от запертого внутри меня. Возможно, это побочный эффект... кормления? Или я неосознанно забрал слишком много энергии? Или сделал еще что-то не так?

«Пей воду!» – пришла настойчивая подсказка от собратьев.

И я пополз, преодолевая сопротивление тела, желающего лишь лежать. Старался, напрягал свои мышцы навязанной оболочки, а когда остановился и оценил результат... Да я и половину пути не преодолел! Жалкое, должно быть, зрелище. Не зря тюремщики потешались, предвкушая представление. Только думали ли убогие, что однажды мы научимся подчинять себе эти тела, управлять ими. И тогда...

Внутренняя злость бесполезна, когда речь идет о материальной тюрьме, я понял это еще раньше. Вот и сейчас она не помогла мне приблизиться к цели. Взгляд, сопровождаемый тяжелым дыханием почти онемевшего от усилий тела, с отчаянием впился в емкость с жидкостью.

Как же хочется втянуть ее в себя! Пусть и внушающее отвращение, но революционное ощущение.

Неожиданно в энергетическом узоре клетки возникло блеклое пятно – энергию отключили. Следом мелькнули черные сапоги с узкими мысками – мне доводилось сталкиваться с пониманием необходимости одежды и обуви, защищающих оболочку, у этих... материальных. Когда-то, в прошлом, я даже имитировал подобное, подбираясь к добыче.

Через секунду нога, обутая в этот самый «сапог», коротким пинком отправила миску с прозрачной жидкостью в мою сторону.

Облегчение накрыло едва ли не осязаемым облаком, едва пришло понимание: я получу воду! С огромным трудом воспрепятствовал почти непреодолимой потребности тела немедленно втянуть ее в себя и поднял голову, чтобы встретиться глазами с моей несостоявшейся добычей.

Троя стояла вплотную к вновь вспыхнувшей энергией решетке и в упор смотрела на меня. Что промелькнуло в ее глазах? Влага?.. Жалость? Сочувствие? Стыд и сожаление? Я так и не понял точно, радуясь уже тому, что органы зрения оболочки не подвели, позволив увидеть женщину так близко.

Почему она помогла? Какая неразумная особь... Неужели так и не поняла, кто внутри этого тела? Та стычка в лаборатории ее ничему не научила?

Впрочем, даже к лучшему. Жертва не должна быть настороже! Ее беспечность и неосмотрительность – залог успешной охоты. Так что заберу женщину первой, едва вырвусь. Без сожаления. Без благодарности. Она – *моя* добыча. А я всегда завершаю начатое.

И все же любопытство жгло, требуя ответов. Что заставило ее помочь врагу? Что она увидела, раз пошла на риск? Презренную слабость? Мольбу в зрительных экранах этого тела? Мое... отчаяние?

Неразумная. И обреченная.

– Троя! – Наши отчаянные гляделки разорвал громкий окрик. – Ты что творишь?! – Дернув за руку, рарк заставил женщину отступить.

И снова его вмешательство разозлило. Ладно бы сейчас на самом деле представлял опасность, но видно же, что беспомощен. Из последних сил, стараясь не удариться, я рухнул лицом в миску с жидкостью. Губы приоткрылись, и вожденная влага потекла внутрь оболочки.

– Смотри-ка ты, – кивнул сержанту Доран, продолжая удерживать за руку растерявшуюся Трою, – сегодня почти никого не рвало. Научились жрать, твари. Не гадили бы еще где попало, а то вонь...

– Да пусть утонут в своем дерьме. Это будет справедливое наказание, – зло сплюнул в ответ Кригс.

Прислушиваясь к разговору, хотя предмет обсуждения оставался непонятным, я жадно глотал, захлебываясь и давясь. Наверное, не совсем ловко и неправильно, потому что вода проливалась на пол. Вытекала не только изо рта, но и еще из одной части тела – бессмысленного на первый взгляд отростка в основании ног. Мне досталось дефектное тело? С дыркой? Вода проходит насквозь? Может, поэтому мне удастся высвободиться из этой оболочки?

Тем временем палковидные субъекты, вытолкнув контейнер за двери, вытянули из стен какие-то шланги, конец одного из них смотрел прямо на меня.

– Отойти! – раздался громкий приказ.

Впрочем, охранники и без него уже давно отступили к стенам. Доран заслонил собой брыкающуюся Трою, утянув в пространство между собой и стеной.

– Да случится дождь! – не удержался он от насмешки.

В меня ударила струя чего-то плотного, похожего на смесь воздуха и какой-то жидкости. От неожиданности я задохнулся, дернулся было в сторону, но струя настигла и там, затем про-

шла по полу, смывая дочиста все, что на нем оказалось, после чего ушла в соседнюю клетку, терзая Орша и очищая все под ним.

Вот тогда я и осознал глубину своих заблуждений относительно дефекта. Это, оказывается, норма! В очередной раз убедился в ущербности материального воплощения – пищу и воду, которые поглощает тело, оно затем извергает наружу! И в чем суть процесса? Как бессмысленно, отвратительно и... несовершенно.

Желание вырваться, вновь обрести свободу зашкалило, но что я мог сейчас, лишенный исходной формы и ее возможностей? Лишь изучать то новое, что мне досталось, в надежде когда-нибудь найти выход. Но я был твердо убежден: смогу вырваться из клетки! Смогу вернуться в прежнюю жизнь, к привычному, а главное, такому удобному существованию, никак не связанному с неполноценной материей.

И я сосредоточился. Буду учиться. Заставил оболочку расслабиться и лечь на пол. Выровнял дыхание, сконцентрировался на ощущениях, буквально атакующих разум. Что чувствует тело? Зачем с такой настойчивостью сообщает мне об этом? Возможно, без обратной связи не будет полноценной интеграции? А без нее цели не достичь.

Связь, связь...

Для начала – те части тела, что позволяют контролировать происходящее: зрение, слух, обоняние, осязание... Надо разобраться с ними.

Не задумываясь о времени, продолжая лежать, я пробовал. Открывал и закрывал глаза, сгибал и разгибал конечности, вникая в устройство организма, вслушиваясь в сигналы, идущие к сознанию. Я и раньше их получал, но не имел возможность обдумать, осмыслить, принять...

Подняв руку, долго смотрел на пальцы, изучая твердые заостренные наросты на кончике каждого, – по всей видимости, средство защиты, компенсация общей уязвимости материального тела. Уже неплохо, можно будет использовать.

Провел рукой по лицу, ощупывая рельефные выступы. Обнаружил две дырки – ноздри, втягивающие воздух и сигнализирующие о наличии еще одного типа информации. Даже закрыв глаза, ощущал присутствие Трои и других примитивных. А еще... Еще на этом фоне резко выделялась приметностью та жидкость, что вытекала из наших тел.

Способность хороша, а вот запах оболочки – минус. С таким явным опознавательным маяком, который моментально выдаст мое присутствие, надо что-то делать. То есть надо понять, как заставить противника перестать меня чувствовать!

Плотно прижал к лицу ладонь, препятствуя притоку воздуха. Может, так это работает? Подождал и... И разум едва не взорвался от переизбытка противоречивых сигналов. Что это? Как понимать? Почему мышцы судорожно дергаются? И почему накатывают волны слабости?..

«Освободи их! Дыши!» – завопил Щег, придя на помощь, и в тот же миг до меня донесся тихий, но отчетливый смешок:

– Смотри-ка, как его корежит! Небось впервые до отвала нажрался, тварь, теперь переварить не может.

Боковым зрением я видел говорящего. Стоял он далеко, сказанное предназначалось не для моих ушей. Уже в который раз убеждаюсь, что улавливаю даже слабые шорохи. Острый слух... Тоже пригодится. Как и понимание, что без доступа воздуха тело отключается. Правда, неясно, как быстро это происходит и каковы последствия.

Вопросов становилось все больше, и я не выдержал. Послал вопрос братьям – у них было больше времени на то, чтобы освоиться со своими клетками: «Что еще необходимо оболочкам помимо пищи, воды и воздуха?»

«Тепло точно... Кажется, свет...»

Ответы были созвучны моим мыслям, хоть и не совсем уверенным – все же информации для сравнения и анализа недостаточно.

Эксперименты давались непросто – ощущение усталости было неподдельным. Но я упорно продолжал исследовать навязанное тело, не зная, сколько времени у меня есть. А уровень ставшую безвольной руку, даже дернулся в испуге, осознав наконец, что именно является источником боли – резкое силовое соприкосновение!

«Как же все странно, – поделился с собратями, – и неудобно... И трудно!»

Пока экспериментировал, в помещении многое изменилось. Охрана исчезла, палковидные существа тоже ушли, яркий слепящий свет превратился в мягкий полумрак. Однако в нем я видел так же четко, как при свете – еще одно наблюдение на заметку!

Нам дали время отдохнуть? Телам необходимы периоды покоя?

«Слабые и убогие оболочки!»

Злость снова дала о себе знать. Плюсы, которые удалось обнаружить, не перекрывали всех минусов. И это так раздражало! Хотелось разобраться в большем, но... При всем желании и необходимости изучить свою тюрьму, я осознал, что не способен на это: глаза закрылись, тело безвольно обмякло, став беззащитным вопреки возможным угрозам извне.

«Сон тоже необходим», – удрученно прошелестел Орш.

Сон... Своеобразный процесс, надо признать. Неприятный. Словно отключили на миг, лишив... всего! А когда вернули, тело категорически не желало слушаться и, если бы не очередной водно-воздушный душ, возможно, еще долго сопротивлялось моим попыткам подняться.

Я бы с радостью вернулся к освоению возможностей оболочки, да только на этот раз ни пищи, ни времени нам не дали.

– Подъем! – заорал неведь откуда взявшийся субъект, на которого я, сосредоточенный на окатывающем откуда-то сверху холодном душе, не сразу обратил внимание.

Вместе с ним в открытый проем резво вбежали другие охранники – в экипировке, с оружием, даже в шлемах. Рассредоточившись по помещению, окружив силовые клетки, взяли нас на прицел. Я видел подобное в прошлом, но в те времена это становилось последним действием жертвы.

– Всем слушать меня, недоумки! – продолжал орать настырный тип. С удивлением я осознал, что обращается он к нам – эдаити. – То, что нашу речь вы понимаете, нам известно! Так что рекомендую выполнять приказы и не строить планов побега. Прошли те времена, когда вы могли исчезнуть бесследно. Тем, кто попытается ослушаться или сопротивляться, обеспечим вечное забвение! Все ясно? Кому не ясно – ваши проблемы. Я предупредил. Первый, на выход!

Свечение прутьев, за которыми находился Тас, угасло. Он сам – теперь грузный, крупный, сутулый – от неожиданности отшатнулся, едва не впечатавшись спиной в защитный каркас соседней клетки. Эта оболочка настолько не соответствовала его внутренней сущности! Я со стороны выгляжу таким же нелепым? Ошибкой создателей?

– На выход, я сказал! – громогласно гаркнул военный, не оставляя времени на осмысление происходящего.

Две фигуры в черном отделились от остальных, чтобы вытолкать пленника и заставить отступить к стене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.